

VORONKOVA Olga Alekseevna, *Cand. Sci. (Pol.Sci.)*, Senior Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; olden@lianet.ru)

NETWORK COMMUNICATION AS A FACTOR OF EVOLUTION OF SOCIAL AND POLITICAL RELATIONS

Abstract. The rapid differentiation of the information space and intensification of attempts to redistribute power and influence increase the risks of conflicting relationships between the social and political forces. However, the phenomenon of network communication goes beyond technical descriptions in quantitative terms as multiple increase of information flows, speeding up the pace of movement, etc. This new reality immanently develops a new quality of mediation, which objectively and inevitably contributes to the promotion of the contradictory but productive process of new meaning formation. The article substantiates the thesis that the media-based mechanisms of network communication can restrain the risks of chaotic expansion and contain the essential potential of civic self-organization and evolutionary renewal of the principles of social and political relations.

Keywords: information system, network communication, network conflicts, network culture, mediation

АГЕЕВА Анна Викторовна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; 92.anna@mail.ru)

КРАСНОЦВЕТОВ Глеб Владимирович – аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; glebkrasnotsvetov@mail.ru)

«МЯГКАЯ СИЛА» В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию практического опыта применения технологий интернет-коммуникации при реализации стратегии «мягкой силы». Авторы анализируют примеры технологии внедрения киберсимулякров, цифровой стигматизации, фейк-ньюз и фейк-дискурса, big data, акцентируя внимание на близости «мягкой» и «твердой» силы при их отправлении через технологии интернет-коммуникации. Авторы делают вывод, что в современных условиях перспективным представляется изучение использования big data в рамках «мягкой силы», т.к. влияние оказывается на предпочтения отдельного индивида, а не гомогенной аудитории.

Ключевые слова: мягкая сила, технологии интернет-коммуникаций, практический опыт, киберсимулякры, цифровая стигматизация, big data

В условиях виртуализации современного политического пространства при множестве форм потребления контента и его упаковки в инструментальное поле «мягкой силы» все больше входят технологии интернет-коммуникации [Василенко 2017: 75]. Первоначально Дж. Най рассматривал киберизмерение «мягкой силы», предполагающее достижение актором желаемых результатов посредством использования связанных электроникой информационных ресурсов виртуальной сферы как в киберпространстве, так и за его пределами [Най 2014: 211] в рамках программно-технической стороны вопроса. Поэтому

коммуникационная составляющая у него свелась к ограничению (предоставлению) доступа к тем или иным информационным ресурсам. В рамках настоящей статьи мы предлагаем дистанцироваться от технического понимания интернет-коммуникации, связанного с процессами «доставки» «мягкой силы», в пользу ее самостоятельного значения, где на первый план выходят информирование, значимость для целевой аудитории канала коммуникации и сам коммуникационный акт, а также в целом система коммуникативных технологий. Иными словами, предлагаем подойти к «мягкой силе» с точки зрения коммуникационно-технологического подхода [Ковба 2017].

В условиях современного информационного общества роль «мягкой силы», символического капитала культуры, непрерывно возрастает [Василенко 2019: 21]. Сегодня Интернет становится мощным инструментом проецирования влияния, а реализованные посредством него сетевые технологии становятся важнейшими элементами «мягкой силы», будучи направленными на формирование общественного мнения, конструирование системы ценностей, предпочтений, потребностей и настроений людей в виртуальном пространстве [Русакова, Грибовод 2019]. Интересно заметить, что технологии интернет-коммуникации придают «мягкой силе» в ряде случаев инверсионный характер, когда происходит утрачивание «мягких» характеристик путем превращения их в «жесткие» инструменты [Русаков 2017]. Например, это может происходить при организации массовых акций через социальные платформы и мессенджеры, когда вариативность организованной активности может находиться в пределах, например, от акций, направленных на социальное созидание, формирование благоприятного имиджа актора-интересанта, укрепление доверия и добрососедства (например, Дни Италии в Москве), до откровенно деструктивных, организованных извне действий, в т.ч. включающих противостояние правоохранительным органам (например, события Арабской весны, протесты в Гонконге 2019 г.). Социальные сети и мессенджеры ускоряют мобилизационные процессы, формируется «умная толпа» [Рейнгольд 2006], которая из виртуального пространства политики переходит в офлайн, но остается в той системе координат и мышления, которые заданы в онлайн.

Особое место в трансляции «мягкой силы» сегодня заняли технологии внедрения киберсимулякров [Володенков 2011]. Путем внедрения виртуальных личностей достигается симуляция консолидированных интересов общества, даже если в реальности за ними стоят всего несколько человек. Примером подобного симулякра является кейс «крымчанка, дочь офицера», когда накануне референдума в Крыму оператор ботов опубликовал в мужском профиле пост якобы от лица жительницы Крыма¹. В целом киберсимулякры могут относиться и к отдельным фрагментам симулируемой действительности: например, в 2017 г. в сети было распространено фото с саммита «Большой двадцатки», на котором Д. Трамп и Р. Эрдоган якобы прислушивались к президенту России В. Путину. В действительности В. Путина на этом фото не было, его изображение было добавлено с помощью графического редактора, но сама ситуация в сознании многих обывателей была воспринята как реальная². До недавнего времени в российском политическом PR довольно распространена была практика публикации пророссийских петиций на сайтах зарубежных госорганов. «Успешный» сбор подписей под данными петициями выводил их в заголовки СМИ, фор-

¹ Крымчанка, дочь офицера. — *Викиреальность*. Доступ: http://wikireality.ru/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0%2C_%D0%B4%D0%BE%D1%87%D1%8C_%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%B0 (проверено 27.02.2020).

² Фейк: Путин в окружении Трампа и Эрдогана. — *Tjournal*. Доступ: <https://tjournal.ru/flood/46208-feyk-putin-v-okruzhenii-trampa-i-erdogana> (проверено 27.02.2020).

мируя требуемые субъекту управления общественные настроения. Указанное также может быть рассмотрено как эффективный пример реализации «мягкой силы» с применением такой технологии интернет-коммуникаций, как внедрение киберсимулякра. В качестве еще одного примера киберсимулякров потенциально могут рассматриваться получившие в последнее время популярность журналистские расследования по открытым источникам, подобные тем, которые проводят *Bellingcat*, *CIT*, *The Insider* (расследования о покушении на Скрипалей, об убийстве Зелимхана Хангошвили в Берлине, крушении малазийского боинга в Донбассе и пр.). Вопрос в данном случае сводится не к ангажированности журналистов-расследователей, а к тому, насколько открытые цифровые источники, на которые они ссылаются, являются не фальсифицируемыми и не компрометируемыми. В противном случае мы вновь оказываемся под воздействием киберсимулякров. Важно также отметить, что воздействие всех описанных выше киберсимулякров остается «мягким» лишь до тех пор, пока не раскрыта фальсифицируемая ими действительность и объект манипуляции не осознает оказываемого на него воздействия. Как только происходит разоблачение подобного симулякра, «мягкая сила» в онлайн превращается в «твердую»; в этом, в частности, и проявляется описанное выше свойство инверсии.

Очередным проявлением «мягкой силы» в онлайн-пространстве, связанным с использованием технологий интернет-коммуникации, является цифровая стигматизация [Володенков, Федорченко 2018]. Она приобретает сегодня довольно большое число форм-клише и ярлыков, которые используются в рамках *mainstream media*, а также на социальных платформах, где, как правило, эти клише и ярлыки облачаются в хэштеги, что не просто позволяет осуществлять маркирование оппонента, ситуации или явления, но и способствует фиксации количественной поддержки, когда переход по хэштегу показывает число использующих его участников социальной платформы. Примерами цифровых стигматов в рамках инструмента «мягкой силы» может служить введение раздела «Фейки» на сайте МИДа РФ¹. Данная мера предпринята для борьбы с искажением имиджа России в иностранной прессе. Ложные публикации в рамках данного инструмента маркируются соответствующей «печатью», в сопроводительных материалах приводится опровержение или корректная информация по теме. В рассмотренном случае также справедливо отметить, что стигматизация и корректировка контента будут находиться в поле «мягкой силы» до тех пор, пока это касается корректировки собственного имиджа. Как только разоблачение *fake news* будет производиться во внутривластном инфополе иностранного государства, применяемые интернет-технологии перейдут в поле «твердой силы».

Фейк-дискурс в онлайн-СМИ активно применяется для корректировки действий стратегических противников. Так, например, в одном из недавних релизов исследовательского центра *RAND* приводятся «мягкие» меры по дестабилизации политической ситуации в России. Среди них, например, информационная дискредитация электоральной системы России, подрыв международного имиджа России, воодушевление на мирные протесты в России, мотивация к увеличению расходов на оборону и космическую гонку². Для указанных целей фейки являются неотъемлемой частью коммуникационной стратегии.

Особое внимание в инструментальном применении технологий интернет-

¹ Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. — *Министерство иностранных дел РФ*. Доступ: <https://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii> (проверено 27.02.2020).

² *Overextending and Unbalancing Russia*. — *RAND Corp.* URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (accessed 27.02.2020).

коммуникации в рамках «мягкой силы», на наш взгляд, стоит уделить вопросам *big data*. В политических технологиях уже дважды в глобальном масштабе были продемонстрированы возможности работы с индивидуальными предпочтениями аудитории вместо работы с гомогенными целевыми аудиториями: в предвыборной кампании Д. Трампа, а также в процедуре голосования в Великобритании по поводу выхода из ЕС [Курюкин 2019], когда собранные индивидуальные предпочтения позволили таргетировать месседж на отдельного человека. Социальные сети, ИТ-гиганты оперируют терабайтами персональных данных ежедневно. И даже если оставить вне поля зрения всю совокупность кулуарных договоренностей между боссами таких компаний и властями соответствующих стран, сами по себе имеющиеся возможности таргетинга способны «мягко» достигнуть нужной целевой аудитории. Тренинги и семинары, дни культуры, встречи с известными лицами той или иной страны («мягкая сила» в ее чистом виде) — все это вполне легально может быть распространено через указанный инструмент. Особое значение при этом придается культурным и гуманитарным факторам [Василенко 2018: 39]. И сегодня такая информация транслируется через Интернет, т.к. это максимально дешево, широко по охвату и просто в получении обратной связи.

Исследование опыта реализации «мягкой силы» через технологии интернет-коммуникации имеет важное практическое значение для повышения ее эффективности, в т.ч. в вопросах противодействия «мягкой силе» конкурирующих акторов. Следует признать, что информационно-коммуникационная составляющая «мягкой силы» в онлайн-среде еще недостаточно теоретизирована, а ее измерение и вовсе сводится к показателям экспорта «мягкой силы»¹ или уровню развития цифровых технологий, связанных с использованием социальных медиа [McClory 2017]. Практика же применения данной технологии в онлайн-среде существенно шире. При этом особое внимание для предстоящих исследований «мягкой силы», на наш взгляд, стоит уделить ее реализации через технологии *big data*, сопряженные с воздействием на предпочтения каждого отдельного человека, а значит потенциально более эффективное воздействие.

Список литературы

Василенко И.А. 2017. Роль символического капитала культуры в информационном обществе. — *Власть*. Т. 25. № 7. С. 75-79.

Василенко И.А. 2018. Роль евразийской идеи в формировании политического имиджа России в условиях новых вызовов информационной войны. — *Экономические стратегии*. № 4. С. 34-40.

Василенко И.А. 2019. *Геополитика современного мира*. М.: Юрайт. 392 с.

Володенков С.В. 2011. Политическая коммуникация и современное политическое управление. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. № 6. С. 22-31.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. 2018. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества. — *Социс. Социологические исследования*. № 11. С. 117-123.

Ковба Д.М. 2017. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке. — *Дискурс-ПИ*. № 1(26). С. 143-148.

Курюкин А.Н. 2019. Цифровые технологии в выборных процессах как вызов перспективам демократии. — *Власть*. Т. 27. № 3. С. 63-67.

¹ Rapid-growth markets soft power index: Spring 2012. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf (accessed 27.02.2020).

- Най С. Дж. (мл.). 2014. *Будущее власти*. М.: АСТ. 444 с.
- Рейнгольд Г. 2006. *Умная толпа: новая социальная революция* (пер с англ. А. Гарькавого). М.: ФАИР ПРЕСС. 416 с.
- Русаков В.М. 2017. Мягкая сила военной мощи. – *Дискурс Пу*. № 3-4 (28-29). С. 96-107.
- Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. 2019. Информационно-коммуникационные компоненты «мягкой силы». – *Международные процессы: научно-образовательный форум по международным отношениям*. Т. 17. № 1(56). С. 62-72.
- McClory J. 2017. *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2017*. Portland PR Limited. 152 p. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (accessed 27.02.2020).

AGEEVA Anna Viktorovna, postgraduate student of the Chair of Russian Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; 92.anna@mail.ru)

KRASNOSVETOV Gleb Vladimirovich, postgraduate student of the Chair of Government Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; glebkrasn Svetov@mail.ru)

SOFT POWER IN ONLINE SPACE: PRACTICAL EXPERIENCE OF ONLINE COMMUNICATION TECHNOLOGIES APPLICATION

Abstract. The article is devoted to the study of practical experience in the application of Internet communication technologies in the implementation of soft power policy. The authors analyze examples of technology for introducing cyber simulacra, digital stigmatization, fake news and fake discourse, big data and focus attention on the proximity of soft and hard power when they are sent via Internet communication technologies. The authors conclude that in modern conditions, it seems promising to study the use of big data in the framework of soft power policy, because it influences the preferences of an individual, rather than a homogeneous audience.

Keywords: soft power, Internet communications technology, practical experience, cyber simulacrum, digital stigmatization, big data
